

Цзянь Фу, которого едва ли не силой выдернули из игры, выглядел совершенно несчастным. Он и понятия не имел, что за этой затеей стоял Ли Жун, но, поскольку сам тоже хотел пить, ему пришлось смириться. Схватив деньги, парень обречённо поплёлся вниз.

В школе А была собственная лавка с молочным чаем, так что поход туда и обратно занял у него меньше десяти минут. Вернувшись, Цзянь Фу с грохотом поставил напитки на стол Цэнь Сяо и, тяжело дыша, расстегнул пуговицы на куртке.

— Мы столько за раз осилим? — спросил он. — После такого в нас обед не влезет.

Ли Жун, проявив завидную притворность, тут же выудил свой стакан с «хрустальным виноградом» и небрежно бросил:

— Тебе и не нужно пить всё. Найди здесь один и отнеси Линь Циню.

Цзянь Фу замер.

«...»

В этот миг ему даже не пришло в голову возразить. Казалось, подсознание уже смирилось с тем, что их дуэт с Цэнь Сяо окончательно превратился в квартет. Осознание этого факта немного угнетало — староста самовольно перекроил сложившийся уклад. Однако старая привычка Цзянь Фу слушаться чужих распоряжений никуда не делась.

В одной руке он сжимал «маття с молочной пенкой», в другой — «нектар манго и саго». Поколебавшись, он недовольно скривился и, обойдя класс сзади, подошёл к парте Линь Циня.

— Тебе какой?

Тот вскинул голову и широко распахнутыми глазами уставился сначала на одноклассника, а затем на стаканы в его руках.

— Это... мне? — робко уточнил Линь Цинь, указывая на себя.

Цзянь Фу лишь фыркнул, качнув напитками:

— А кому ещё?

Линь Цинь невольно сглотнул. В его взгляде читалась жажда, но на лице застыло сомнение.

Последнее время преподаватель по искусству был к нему крайне строг и запретил употреблять высококалорийные продукты. Ему до безумия хотелось чая, но страх поправиться был сильнее.

Видя, как тот медлит, Цзянь Фу потерял терпение и просто ткнул «нектаром манго и саго» Линь Циню чуть ли не в лицо.

— Пей этот. Тут сахара всего тридцать процентов. Ты ведь вроде худеть собирался?

Линь Цинь опешил. Спустя пару секунд он всё же несмело обхватил пальцами прохладный стакан.

— А... хорошо, спасибо.

Цзянь Фу резким движением вогнал соломинку в свой маття, сделал жадный глоток густой сливочной пенки и негромко пробурчал под нос:

— Я тебя вроде не обижал, а ты со мной и парой слов перекинуться боишься.

Линь Цинь только открыл рот, чтобы объяснить, но собеседник уже развернулся и зашагал прочь. Его соседка по парте, Сунь Нуань, с завистью протянула:

— Ничего себе! Вы с Цзянь Фу теперь так дружны? Он сам принёс тебе чай?

Линь Цинь моргнул, провожая взглядом широкую спину одноклассника.

— Думаю, это староста его попросил, — уверенно ответил он.

Посмотрев в сторону первых парт, он увидел Ли Жуна: тот тоже держал в руках стакан и с довольным видом о чём-то переговаривался с Цэнь Сяо.

— Ого... — удивилась Сунь Нуань. — Значит, ты и со старостой в ладах? Вы ведь последние два года почти не общались.

Линь Цинь улыбнулся и, проткнув защитную плёнку, осторожно отпил глоток нектара.

— Да. Кажется, многое вокруг начало меняться... совершенно внезапно.

Ли Жун краем глаза заметил, как Линь Цинь, сжимая стакан левой рукой, а ручку — правой, склонился над тетрадью, прихлёбывая чай во время работы. Уголки его губ чуть приподнялись.

— Неплохо. У Линь Циня просыпается чувство причастности к команде. А я-то боялся, что он постесняется принять подарок.

Тот всегда был «невидимкой» в классе: оценки — средние, учителя особо не выделяют, сам он тихий и послушный. Те, кто обладал в классе хоть каким-то влиянием, обычно в упор его не замечали. Ли Жун опасался, что парень привык слишком много терпеть, и даже с Цэнь Сяо или Цзянь Фу будет держаться натянуто и официально. Такие люди часто остаются в тени, и их обидеть проще всего.

Цэнь Сяо, нахмурившись, отпил приторно-сладкий улун и тут же отодвинул стакан подальше. Он искоса глянул на Ли Жуна, и в его тоне промелькнула едва уловимая ирония:

— Даже в покупку чая умудрился вложить столько смысла. Тебе самому не утомительно постоянно о чём-то думать?

Собеседник мягко покачал головой, не соглашаясь:

— Для тех, чьих мощностей мозга достаточно, размышления — лишь базовая функция. Вроде прогрева системы перед запуском.

Цэнь Сяо вскинул бровь.

— Вот как? Значит, ты уже успел «просчитать» всех вокруг?

Ли Жун обхватил губами соломинку и, вскинув взгляд на собеседника, лукаво прищурился:

— Разумеется. И на размышления о тебе уходит больше всего времени. Тебе не страшно?

Тот не отвёл глаз. Напротив, он встретил его взгляд открыто и прямо:

— И чего же мне бояться?

Ли Жун улыбнулся. Вытащив соломинку, он ловко поменял её местами с той, что была в стакане Цэнь Сяо, и пододвинул свой «хрустальный виноград» ближе к его руке.

— Мой вкуснее, попробуй.

Цэнь Сяо посмотрел на переставленную соломинку, затем взял стакан Ли Жуна с фиолетовым напитком. Слегка взболтнув его, он спросил с притворным недовольством:

— И это — результат твоих долгих размышлений?

Ли Жун опустил взгляд, кончиком языка коснувшись линии губ.

— Полагаю, тебе нравятся... способы, которые Ян Фанфан строго-настрого запретила.

На этот раз Цэнь Сяо промолчал. Он просто взял стакан Ли Жуна и сделал глоток.

— Другие бы решили, что наследник Торговой палаты «Ланьшу» ужасно скуп, — поддразнил его Ли Жун, — раз делит один чай на двоих.

Только он закончил шутку, как в дверном проёме появилась Ян Фанфан. С суровым лицом она обвела класс пронзительным взглядом. Дождавшись тишины, учительница негромко произнесла:

— Ли Жун, выйди на минуту. Пришёл твой дядя.

Улыбка мгновенно исчезла с лица юноши.

Гу Чжаонянь давно не появлялся в его жизни. В прошлой реальности, спустя месяц после того, как Ли Жун заперся в пустом доме, суд выселил его из особняка. Оказавшись в безвыходном положении, он пришёл к дяде. Но тот лишь отделивался пустыми фразами и отговорками, твердя, что денег нет и помочь он ничем не может. Племянник тогда был болезненно чувствителен, ценил гордость превыше всего, и этот отказ окончательно его подкосил.

Ли Жун встал и вышел вслед за учительницей. Ян Фанфан, не подозревая о натянутых отношениях родственников, с энтузиазмом начала рассказывать о его успехах.

— Господин Гу, не беспокойтесь, — вещала она. — Мальчик отлично держится. Он очень сильный, трагедия его не сломила. На недавнем пробном экзамене он снова стал первым в городе. Уверена, вы, как близкий человек, им очень гордитесь.

Она и понятия не имела, что у Гу Чжаоняня есть собственный сын, Гу Тянь — ровесник Ли Жуна. Бестолковый бездельник, вечно плетущийся в хвосте списка. Успехи племянника всегда служили для его сына болезненным фоном, из-за которого дядя не мог поднять головы перед знакомыми.

Лицо Гу Чжаоняня то бледнело, то наливалось краской. Уголок его рта дёрнулся в подобии улыбки.

— Ах, вот как... У нас в семье в последнее время было слишком много дел, некогда было следить за такими вещами.

Ян Фанфан, приняв это за чистую монету, поспешила просветить родственника о том, как

школа заботится о талантливом ученике.

— Понимаю, понимаю, вам сейчас нелегко. Недавно я говорила юноше о программе «Выдающиеся таланты». По традиции школы А, это место по праву принадлежит ему. Педсовет и руководство школы сделают всё, чтобы защитить нашего ученика.

С его оценками Гу Тяню никогда не светило даже услышать о подобной программе. Гу Чжаонянь недоуменно нахмурился:

— Что ещё за программа «Выдающиеся таланты»?

Ян Фанфан поспешила объяснить:

— О, это квота на зачисление в Университет А без экзаменов, на любой факультет по выбору. С результатами Ли Жуна проблем не будет. Если всё пройдёт гладко, ему не придётся сдавать ЕГЭ, и он сможет отдохнуть на несколько месяцев дольше остальных.

Гу Чжаонянь: «...»

Эти слова отозвались в его сердце острой горечью. Оказывается, в школе существуют такие возможности. Племянник уже готовится к зачислению в лучший вуз страны, в то время как он сам ломает голову, сколько взяток придётся дать, чтобы впихнуть туда своего нерадивого сына.

Иногда его охватывала глухая досада. Он не был настолько мелочным, чтобы завидовать всем отличникам подряд, но быть братом Гу Нун и дядей Ли Жуна оказалось для него непосильной ношей. А Ян Фанфан продолжала:

— В последнее время Ли Жун наладил отличные отношения с одноклассниками. Например, с Цэнь Сяо. Раньше я специально посадила их вместе, чтобы в классе не было враждующих группировок, и это дало поразительный эффект...

Вены на лбу Гу Чжаоняня едва не вздулись.

«Поразительный эффект», ничего не скажешь! Цэнь Сяо, защищая Ли Жуна, так разделал его сына, что Гу Чжаоняню, боявшемуся даже пикнуть против начальников из «Ланьшу», пришлось проглотить обиду. Давление у него тогда подскочило до критической отметки.

— Учитель, мне нужно обсудить с племянником семейные дела, — выдавил он.

Ян Фанфан спохватилась:

— Ах, да-да, конечно. Вы говорите, а я пойду в класс.

Изначально Ли Жун не горел желанием видеть дядю, но, понаблюдав за этой комедией со стороны, заметно повеселел. Он подошёл ближе и, привалившись к стене коридора, небрежно засунул руки в карманы.

— Зачем пришёл? — лениво спросил он.

Гу Чжаонянь перевёл дух.

— Был у тебя дома. Сказали, ты съехал.

Юноша вскинул бровь.

— Какое важное дело заставило тебя ко мне заглянуть?

Дядя холодно фыркнул:

— Старушка назначила дату похорон твоих родителей. Событие, прямо скажем, не из тех, которыми стоит хвастаться, так что пышных церемоний не будет. Мы оповестим лишь нескольких коллег и друзей, ты должен будешь их встретить и соблюсти приличия.

«Старушка» была бабушкой Ли Жуна по материнской линии. Ли Жун видел её редко и тёплых чувств к ней не питал. Его бабушка была женщиной властной и жёсткой. Овдовев в молодости, она не вышла замуж повторно, в одиночку подняв двоих детей. Она прошла через всё: ночёвки под мостом, голод, тяжёлый нелегальный труд. Позже, в период экономического подъёма, она разбогатела на внешней торговле благодаря знанию языков. Но даже будучи на острие перемен, она оставалась во власти закостенелых убеждений: сын всегда важнее дочери, а внук от сына — важнее, чем внук от дочери.

По иронии судьбы, в их семье всё вышло наоборот. Из-за этого старушка вечно попрекала бестолкового Гу Тяня и его отца, умевшего лишь заискивать перед начальством, но в то же время винила Гу Нун за то, что та не пристроила брата на тёплое место в институте «Хунсо». От Ли Жуна же требовали «подтянуть» кузена в учёбе, желательно — до первого места в рейтинге.

Эти вечные интриги рассорили Гу Чжаоняня и Гу Нун, а Ли Жун и Гу Тянь и вовсе не могли перенести друг друга. Теперь, после трагедии, бабушка, хоть и горевала, считала происшедшее несмыслаемым позором. Похороны должны были пройти по её сценарию: за закрытыми дверями, скромно, без шума, чтобы соседи не злословили.

В прошлой жизни племянник был слишком слаб, постоянно попадая в больницу. Когда он пришёл в себя, всё уже закончилось. Участок на кладбище купила бабушка. Она специально

распорядилась выбрать самое неприметное место в глухом углу, чтобы поменьше людей видели надгробие. Работникам кладбища пришлось долго объяснять ей, что люди приходят к своим близким и не глазают на чужие могилы, но она и слушать не желала, стремясь едва ли не спрятать имена под колпак.

На мгновение Ли Жун погрузился в оцепенение. Оказывается, факты, которые он считал давно принятыми, были лишь глубоко зарыты в душе, придавленные огромным валуном. Но стоило воспоминаниям шевельнуться, как эта глыба сдвинулась, обдирая сердце в кровь. Если он не вернёт родителям доброе имя, клеймо позора останется на них навечно. Как и та могила в глухом углу, оно будет напоминать, что ушедшие всё ещё ждут, а живые не имеют права сдаваться. Пусть время идёт, и истина уже мало кого волнует, она важна для его родителей. И в этом — смысл его борьбы.

Гу Чжаонянь нахмурился:

— Ли Жун, ты меня вообще слушаешь? В это воскресенье ты должен быть в ритуальном зале заранее. И ещё... Старушка так заботилась о твоей семье, а ты до сих пор к ней не заглянул. Совсем совести нет?

Юноша словно и не слышал его, лишь слегка дрогнули веки. Гу Чжаонянь огляделся и, убедившись, что учеников поблизости нет, ткнул пальцем ему в лицо:

— И чтобы я больше не слышал, что ты строишь козни Гу Тяню! Ещё раз обидишь его — я тебе этого не спущу!

Ли Жун наконец пришёл в себя. Вскинув взгляд, он холодно произнёс:

— И как же именно ты мне «этого не спустишь»?

Дядя запнулся, по его лицу пробежала судорога. На самом деле он ничего не мог сделать, и эта угроза была лишь попыткой припугнуть парня. Но встречный вопрос задел его за живое.

Ли Жун презрительно усмехнулся:

— Сейчас мне недосуг возиться с вами, но это не значит, что я не найду на вас времени. На похоронах я буду. Но как именно они пройдут — решать мне.

Гу Чжаонянь стиснул зубы от ярости:

— Ли Жун, ты не слишком ли много о себе возомнил? Думаешь, твои родители всё ещё почётные профессора «Хунсо» и у тебя есть покровители?

Юноша выпрямился, вынимая руки из карманов. Несмотря на бледность и болезненный вид, взгляд его был острым, словно лезвие ножа.

— Я сам себе опора.

Гу Чжаонянь смотрел на племянника, и его душила необъяснимая злоба. Это была не просто обида на дерзость, а ярость от того, насколько этот мальчишка был уверен в себе. Он завидовал Гу Нун, сумевшей воспитать такого ребёнка — способного сохранять достоинство и внутреннюю свободу даже на краю бездны.

На этом фоне его собственная душа казалась ему ещё более заурядной, жалкой и грязной. Он никогда не станет ровень с сестрой, а его сын никогда не сравнится с Ли Жуном. Он вдруг понял, почему после трагедии нелепые слухи о Ли Цинли и Гу Нун так быстро превратились в лавину ненависти. Не будь он родным братом Гу Нун, он наверняка стал бы частью этой беснующейся толпы. Потому что мир полон таких же посредственностей, как он сам.

Гу Чжаонянь крепче прижал к себе портфель, бросил на Ли Жуна последний тяжёлый взгляд и, резко развернувшись, зашагал к лестнице. Племянник спокойно проводил его глазами, после чего вернулся в класс.

Ян Фанфан сидела за учительским столом, объясняя кому-то задачу. В классе снова поднялся привычный гул. Никто не заметил возвращения юноши, ученики наслаждались короткой переменой: болтали, смеялись, жевали сладости или лениво листали учебники.

Цэнь Сяо прищурился.

— Ты расстроен, — негромко констатировал он. — Что случилось?

Веки Ли Жуна дрогнули. Длинные загнутые ресницы задевали пряди волос, отбрасывая на глаза туманную тень. Его кадык едва заметно скользнул под натянутой кожей шеи. Юноша склонил голову, мягко прислонившись ухом к плечу Цэнь Сяо.

— Дай мне опереться на тебя, — прошептал он. — Совсем ненадолго.

Ему просто нужен был крохотный островок тишины среди этого шума. Место, где его никто не потревожит. Хотя бы на миг. Лишь тогда он сможет восстановить силы.

Цэнь Сяо на мгновение замер, но затем расслабил плечо, стараясь не шевелиться, чтобы Ли Жуну было удобнее. Опустив взгляд, он увидел, что тот уже закрыл глаза. Его веки казались почти прозрачными, а мягкие волосы у висков придавали ему непривычно покорный вид. Юноша знал: сейчас в голове старосты теснится рой тяжёлых мыслей, а хаос эмоций подтачивает его волю. На самом деле он смертельно устал.

— Можешь опираться столько, сколько потребуется, — прошептал он так тихо, чтобы слышал только его собеседник.

<http://bllate.org/book/15351/1422146>